Къ вопросу о задачахъ и методахъ психологіи.

Hugo Münsterberg: Ueber Aufgaben und Methoden der Psychologie. Schriften der Gesellschaft für psychologische Forschung. Heft 2 Leipzig 1891. (182 стр.)

Разобраться въ сложномъ и спорномъ вопросѣ о задачахъ и методахъ психологіи въ настоящее время на столько необходимо, что всякая попытка въ этомъ отношеніи возбуждаетъ интересъ. Тѣмъ большаго вниманія заслуживаетъ этотъ трудъ талантливаго нѣмецкаго психолога, создавшаго себѣ такое крупное имя своими экспериментальными изслѣдованіями. Кто знакомъ съ работами Мюнстерберга, тому извѣстно, какъ самостоятельны и своеобразны его взгляды. Всецѣло преданный тѣмъ руководящимъ идеямъ, которыя господствуютъ въ современной психологіи, Мюнстербергъ въ то же время не любитъ идти шаблонной дорогой и всюду стремится пробивать себѣ свои собственные пути; одинъ изъ выдающихся представителей Вундтовской физіологической психологіи, онъ расходится съ лейпцигской школой не только въ своихъ выводахъ и теоріяхъ, но отчасти и въ своихъ методологическихъ принципахъ. Настоящая книга есть теоретическое развитіе и обоснованіе его методологическихъ взглядовъ. Она столько же характерна для того направленія, къ которому принадлежитъ ея авторъ, сколько оригинальна и полна новыхъ мыслей. Мы не думаемъ, чтобы съ взглядами Мюнстерберга можно было во всемъ согласиться: самый объективный критикъ найдетъ въ нихъ ошибки, недоразумѣнія и подчасъ эксцентричныя крайности; но, за всѣмъ этимъ, книга стоитъ того, чтобы съ нею познакомился каждый психологъ.

Мюнстербергъ дѣлитъ свое изложеніе на восемь главъ. Въ первыхъ двухъ главахъ говорится о задачахъ психологіи въ тѣсномъ

и широкомъ смыслѣ; третья глава заключаетъ въ себѣ классификацію психологическихъ методовъ; четвертая и пятая посвящены методамъ непосредственнаго и посредственнаго психологическаго изслѣдованія при естественныхъ условіяхъ; въ шестой и седьмой разсматриваются методы непосредственнаго и посредственнаго психологическаго изслѣдованія при искусственныхъ условіяхъ; въ восьмой главѣ описываются методы психофизіологическаго изслѣдованія.

Говоря *о задачахъ психологіи*, авторъ прежде всего исключаетъ изъ области этой науки всѣ метафизическія и гносеологическія проблемы. Что такое душа, личность, сознаніе, на чемъ основана наша увѣренность въ существованіи внѣшняго міра и другихъ людей, возможно-ли для насъ объективное познаніе и гдѣ его границы,—всѣ эти вопросы психологія не можетъ и не должна изслѣдовать. Но въ то же время положительное рѣшеніе этихъ вопросовъ, по мнѣнію Мюнстерберга, есть неизбѣжное условіе всякаго психологическаго, равно какъ и вообще всякаго научнаго изслѣдованія, необходимая основа его возможности и гарантія его законности. Поэтому оно должно само собой предполагаться, какъ необходимый и безспорный научный постулатъ. Такимъ образомъ, бытіе смѣняющихся во времени и всюду соединенныхъ съ физіологическими процессами феноменовъ сознанія, реальность пространственно-временнаго и матеріальнаго внѣшняго міра, существованіе другихъ сознательныхъ существъ, полная познаваемость міра и объективное значеніе общепризнанныхъ сужденій о немъ,—суть пять основныхъ предположеній или постулатовъ психологіи. Непосредственный объектъ психологіи есть содержаніе сознанія, возникновеніе и смѣна его элементовъ, ихъ соединеніе и связь. Отсюда ближайшая задача психологіи состоитъ въ томъ, чтобы анализировать содержаніе сознанія и изучить его отношенія и законы. Дальнѣйшая и наиболѣе важная задача этой науки заключается въ томъ, чтобы объяснить эти отношенія и законы. Такъ какъ душевныя явленія въ противоположность физическимъ не подчиняются закону причинности и не связаны между собой необходимою связью, то ихъ отношенія далеко не всегда можно объяснить чисто психологическимъ путемъ. Поэтому психологъ для пониманія ихъ долженъ обратиться къ изученію сопутствующихъ имъ физіологическихъ процессовъ. Здѣсь идетъ рѣчь не о матеріалистическомъ объ-

ясненіи душевной жизни. Глубокое различіе душевныхъ явленій и физическихъ процессовъ слишкомъ очевидно, и въ настоящее время уже трудно понять, какъ можно считать наши воспріятія и представленія продуктами или функціями мозга. Эмпирически необходимо допустить не причинную зависимость психическихъ явленій отъ мозговыхъ процессовъ, а только ихъ сплошной параллелизмъ и ихъ постоянную связь *). Сама по себѣ эта связь не объясняла бы психологу также ничего; но разъ она констатирована, сосуществованіе и послѣдовательность психическихъ актовъ становятся понятными изъ сосуществованія и послѣдовательности физіологическихъ состояній. Разъ установлено, что извѣстный психическій процессъ всегда служитъ сопровождающимъ явленіемъ опредѣленнаго физическаго, а этотъ физическій процессъ въ свою очередь вызываетъ другой физическій процессъ, который эмпирически также соединенъ съ извѣстнымъ психическимъ процессомъ, то второй психическій процессъ долженъ съ такою же необходимостью слѣдовать за первымъ, съ какою второй физическій процессъ слѣдуетъ за первымъ. Физическіе процессы, сводимые къ механическимъ аксіомамъ, объясняются съ точки зрѣнія закона причинности, психическіе слѣдуютъ другъ за другомъ безъ внутренней необходимости; если мы соединимъ тѣ и другіе, то мы перенесемъ необходимую связь физическихъ явленій въ область психическихъ и такимъ образомъ дадимъ объясненіе тамъ, гдѣ при иныхъ условіяхъ было возможно только описаніе. Итакъ, психологія имѣетъ своею задачей разложить содержаніе сознанія на его составные элементы, установить эмпирическіе законы ихъ сосуществованія, связи и послѣдовательности и указать для каждаго изъ этихъ элементовъ сопутствующій физіологическій процессъ, съ цѣлью объяснить отсюда тѣ психологическіе законы, которые необъяснимы чисто психологическими средствами.

Вопросъ объ отношеніи психологическаго изслѣдованія къ метафизическимъ проблемамъ есть больное мѣсто современной психологіи, и можетъ-быть правы тѣ психологи, которые предпочитаютъ совсѣмъ не бередить его. Но разъ этотъ вопросъ по-

*) Такъ называемый авторомъ «психофизическій матеріализмъ»—Beiträge zur experimentellen Psychologie, тетр. 1, стр. 14—15. Въ настоящемъ сочиненіи Мюнстербергъ, впрочемъ, не употребляетъ этого двусмысленнаго и неточнаго термина.

ставленъ, едва-ли можно рѣшить его такъ просто, какъ думаетъ Мюнстербергъ. Остановимся прежде всего на той мысли, что хотя психологія не имѣетъ права изслѣдовать метафизическія и гносеологическія проблемы, положительное рѣшеніе основныхъ вопросовъ о духѣ и внѣшнемъ мірѣ есть неизбѣжное условіе всякаго психологическаго изслѣдованія. Нужно-ли безусловно согласиться съ этимъ взглядомъ? Мы думаемъ, нѣтъ. Рѣшается-ли вопросъ о душѣ въ спиритуалистическомъ или въ матеріалистическомъ смыслѣ, или совсѣмъ не рѣшается, понимается-ли сознаніе какъ субстанція, или какъ акциденція, или какъ своеобразный коррелатъ физическихъ процессовъ, или просто какъ совокупность явленій, открывающихся во внутреннемъ опытѣ,— это для эмпирическихъ изслѣдованій психолога совершенно безразлично. Психологъ имѣетъ дѣло прежде всего съ явленіями онъ можетъ оставить въ сторонѣ всѣ метафизическія гипотезы объ объектѣ своей науки, и это нисколько не помѣшаетъ ни его наблюденіямъ, ни его анализамъ, ни его экспериментамъ. Еще менѣе нужно ему какое-нибудь опредѣленное рѣшеніе вопроса о реальности внѣшняго міра и его познаваемости. Пусть будетъ доказано, что о мірѣ въ самомъ себѣ мы ничего не знаемъ, что этотъ извѣстный намъ міръ есть только явленіе нашего духа, что онъ, говоря словами Милля, есть лишь совокупность нашихъ дѣйствительныхъ и возможныхъ ощущеній. Отношеніе психолога къ нему отъ этого не измѣнится: оно будетъ оставаться такимъ же, какъ и въ томъ случаѣ, если бы психологъ стоялъ на точкѣ зрѣнія наивнаго реализма и признавалъ объективными всѣ кажущіяся формы внѣшняго бытія. Вѣдь, психологъ и здѣсь имѣетъ дѣло прежде всего только съ явленіями и для своихъ ближайшихъ, эмпирическихъ задачъ не имѣетъ нужды выходить за предѣлы этихъ явленій. Между тѣмъ опредѣленное рѣшеніе метафизическихъ проблемъ дѣйствительно необходимо для психологіи. Только оно необходимо не для психологическаго изслѣдованія вообще, не для его возможности и законности, а для цѣлей психологическаго *объясненія*,—для метафизико-психологической теоріи, которая должна объединить и привести въ систему данныя эмпирическаго анализа, освѣтить ихъ съ общей точки зрѣнія и заполнить ихъ пробѣлы. Но тогда можетъ-ли психологія отказаться отъ изслѣдованія этихъ проблемъ и удовлетвориться извѣстными догматическими положеніями, взятыми

произвольно и безъ критической провѣрки? Тѣмъ болѣе можетъ-ли она догматически принять тѣ метафизическія положенія, которыя Мюнстербергъ ставитъ ея необходимыми постулатами? Мы думаемъ, что это не въ правѣ сдѣлать ни психологія, ни какая-нибудь другая наука, потому что именно въ метафизическихъ вопросахъ догматизмъ не можетъ имѣть мѣста. Всѣ рѣшенія метафизическихъ проблемъ спорны, а положенія Мюнстерберга въ большинствѣ имѣютъ менѣе шансовъ на истину, чѣмъ всякія другія. Если философски нѣтъ достаточныхъ основаній оспаривать общее бытіе внѣшняго міра, то его пространственность и матеріальность вовсе не принадлежатъ къ числу неопровержимыхъ истинъ; что же касается мысли о полной познаваемости міра и объ объективномъ значеніи общепризнанныхъ сужденій о немъ, то эту мысль въ настоящее время уже едва-ли можно философски защищать. Какое же значеніе могутъ имѣть эти проблематическіе и даже прямо ложные постулаты, и какъ можетъ утверждаться на нихъ психологія? Намъ кажется, что въ научныхъ дѣлахъ, какъ и во всякихъ другихъ, нужно быть послѣдовательнымъ и откровеннымъ. Разъ признано, что рѣшеніе извѣстныхъ метафизическихъ проблемъ необходимо для психологіи, нужно согласиться, что психологія должна изслѣдовать эти проблемы, на сколько это ей необходимо. Другими словами, нужно согласиться, что изслѣдованіе этихъ проблемъ въ цѣляхъ психологическаго объясненія есть одна изъ задачъ психологіи.

Мюнстербергъ ставитъ въ числѣ задачъ психологіи изслѣдованіе психофизіологическаго параллелизма. Въ принципѣ мы съ этимъ безусловно согласны. Открытіе кортикальной локализаціи уже выдвинуло рядъ такихъ проблемъ, которыя психологъ не можетъ игнорировать и въ научномъ разрѣшеніи которыхъ онъ заинтересованъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь другой. Но намъ кажется, что не слѣдуетъ преувеличивать значенія этого рода изслѣдованій. Оставимъ въ сторонѣ мысль о сплошномъ психофизіологическомъ параллелизмѣ: этотъ сплошной параллелизмъ не есть эмпирически констатируемый фактъ, а только болѣе или менѣе вѣроятная гипотеза, имѣющая для психолога лишь общее теоретическое и методологическое значеніе. Возьмемъ тѣ частные факты этого параллелизма, которые можно констатировать научно. Могутъ ли эти факты служить для объясненія психическихъ процессовъ и ихъ отношеній? Только въ нѣкоторыхъ

отдѣльныхъ случаяхъ, въ большинствѣ же другихъ они сами нуждаются въ психологическомъ объясненіи. Смыслъ этихъ фактовъ едва-ли когда-нибудь будетъ на столько ясенъ, точенъ и безспоренъ, чтобы можно было всюду безошибочно на нихъ опереться и сдѣлать ихъ основой для извѣстныхъ психологическихъ заключеній. Скорѣе психологъ всюду будетъ встрѣчать случаи, въ которыхъ крайне трудно рѣшить, зависитъ ли соотношеніе извѣстныхъ душевныхъ явленій отъ соотношенія параллельныхъ имъ мозговыхъ процессовъ, или совсѣмъ наоборотъ. Съ другой стороны, мысль, что душевныя явленія не подчиняются закону причинности и не соединены между собой необходимою связью, есть-ли такой безспорный догматъ, который нужно принять напередъ безъ всякихъ возраженій? Мы думаемъ, что это не догматъ, а проблема, которую психологъ долженъ изслѣдовать и которую онъ имѣетъ шансы удовлетворительно рѣшить. Тогда открывается возможность чисто психологическаго объясненія такихъ явленій, для которыхъ Мюнстербергъ ищетъ физіологическихъ причинъ.

Данная авторомъ постановка психологическихъ задачъ уж въ значительной мѣрѣ опредѣляетъ рѣшеніе вопроса о *методахъ психологіи*. Такіе методы, какъ спекулятивный и критическій, съ точки зрѣнія Мюнстерберга, безполезны для этой науки и не могутъ имѣть въ ней мѣста. Точно такъ же безполезенъ для психологіи математическій методъ, который только формулируетъ уже извѣстные результаты, а не открываетъ ихъ, и который не можетъ имѣть здѣсь научнаго примѣненія уже потому, что душевныя явленія не подчинены закону математической необходимости. Подобно всякой другой наукѣ, психологія можетъ признать своими законными средствами только такіе методы, которые соотвѣтствуютъ ея задачамъ, и чтобы оріентироваться въ этихъ методахъ, авторъ дѣлаетъ нѣсколько общихъ предварительныхъ замѣчаній, очень интересныхъ и очень справедливыхъ. По его мнѣнію обычныя классификаціи психологическихъ методовъ страдаютъ неясностью принципа: въ нихъ смѣшиваются два совершенно различные вида методологическаго дѣленія,—дѣленіе по внѣшнему сходству или внутреннему родству самыхъ методовъ и дѣленіе по однородности тѣхъ задачъ, которымъ служатъ отдѣльные методы. Отсюда происходитъ та двусмысленность терминологіи, съ которою мы встрѣчаемся на

каждомъ шагу въ психологическихъ сочиненіяхъ. Намъ говорятъ здѣсь о философской, физіологической, патологической, зоологической, статистической психологіи и проч., но съ какой точки зрѣнія употребляются эти термины и что собственно разумѣется подъ ними, это во многихъ случаяхъ трудно рѣшить. Наприм., „патологическая психологія" съ точки зрѣнія метода есть психологія вообще, на сколько она разрабатывается путемъ наблюденія патологическихъ случаевъ, которое, какъ извѣстно, имѣетъ громадное значеніе не только для изученія психологическихъ аномалій, но и для изслѣдованія здоровыхъ состояній; напротивъ, съ точки зрѣнія задачи это *лишь* та часть психологіи, которая изучаетъ болѣзненныя психическія состоянія, примѣняя для этой цѣли, конечно, не только патологическій методъ, но и другія средства. Точно такъ же „физіологическая психологія", разсматриваемая съ точки зрѣнія метода, есть такая психологія, которая разрабатывается посредствомъ физіологическихъ изслѣдованій, а разсматриваемая съ точки зрѣнія задачъ есть та часть психологіи, въ которой изслѣдуется связь психическихъ и физіологическихъ процессовъ, т.-е. лишь глава о мозговыхъ раздраженіяхъ, сопутствующихъ феноменамъ сознанія, и т. д. Очевидно, когда какой-либо авторъ употребляетъ эти термины то въ томъ, то въ другомъ смыслѣ, онъ смѣшиваетъ совершенно различныя области изслѣдованія и невольно впадаетъ въ крупныя ошибки.

Такимъ образомъ и существующее дѣленіе психологическихъ методовъ, и существующая психологическая терминологія нуждаются въ реформѣ. Чтобъ установить точную терминологію въ указанномъ смыслѣ, авторъ предлагаетъ ставить предикативный терминъ, прибавляемый къ слову психологія, *напередъ*, когда имъ обозначается методъ (пато-психологія, физіо-психологія), и *позади*, когда имъ опредѣляется задача психологическаго изслѣдованія (психо-патологія, психо-физіологія). Чтобы дать правильную классификацію психологическихъ методовъ, нужно строго разграничить принципы дѣленія и положить въ основу тотъ изъ нихъ, которымъ опредѣляется научное значеніе этихъ методовъ. Такъ какъ смыслъ и значеніе психологическихъ методовъ опредѣляются ихъ научною цѣлью, то основнымъ принципомъ ихъ дѣленія должно быть свойство тѣхъ задачъ, для разрѣшенія которыхъ они назначаются. Характеръ и взаимное отношеніе самыхъ методовъ можетъ служить основа-

ніемъ только для ихъ дальнѣйшаго подраздѣленія. Поэтому авторъ дѣлитъ всѣ методы психологіи на двѣ неравныя группы: на *методы чисто психологическіе* и *методы психофизіологическіе*. Къ первой группѣ относятся всѣ тѣ методы, посредствомъ которыхъ психологъ изучаетъ душевные процессы и ихъ законы независимо отъ ихъ отношенія къ сопутствующимъ физіологическимъ процессамъ,—хотя бы онъ здѣсь пользовался для своихъ цѣлей не только чисто психологическими, но и физіологическими данными; ко второй группѣ принадлежатъ тѣ методы, путемъ которыхъ изслѣдуется связь психическихъ феноменовъ съ ихъ физіологическимъ субстратомъ, т.-е. съ мозговыми процессами. Такимъ образомъ авторъ относитъ къ категоріи чисто психологическихъ методовъ не только тѣ методы, которые обыкновенно такъ называются, но и тѣ, которые въ современной психологіи принято называть психофизіологическими или, по его терминологіи, физіопсихологическими. Такъ какъ психологическое изслѣдованіе можетъ происходить при естественныхъ или при искусственныхъ условіяхъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ быть непосредственнымъ или посредственнымъ, то авторъ дѣлитъ методы первой группы на двѣ категоріи,—на *естественные* и *искусственные* (*экспериментальные*), и подраздѣляетъ каждую категорію на *методы непосредственнаго наблюденія* и *методы посредственнаго наблюденія*. Въ этомъ порядкѣ онъ и изслѣдуетъ ихъ въ подробностяхъ.

Непосредственное психологическое наблюденіе при естественныхъ условіяхъ есть *самонаблюденіе*. О возможности самонаблюденія много спорятъ, и большинство современныхъ психологовъ относится съ недовѣріемъ къ этому старому методу. Авторъ не раздѣляетъ этого недовѣрія и беретъ самонаблюденіе подъ свою защиту. Противники самонаблюденія, говоритъ онъ, направляютъ свои доводы въ сущности только противъ традиціоннаго пониманія этого акта: они представляютъ самонаблюденіе какъ извѣстное отношеніе психическаго субъекта къ психическому содержанію, въ которомъ субъектъ дѣлаетъ себя своимъ собственнымъ объектомъ. Между тѣмъ это пониманіе совершенно не точно: традиціонная схема субъекта и объекта есть только наглядное выраженіе отношеній въ самомъ содержаніи сознанія, именно выраженіе извѣстныхъ психическихъ перемѣнъ и соединеннаго съ этими перемѣнами чувства психофизической дѣятельности. Отсюда

самонаблюденіе есть лишь своеобразное отношеніе элементовъ психическаго содержанія, гдѣ господствующій психическій процессъ осложняется различными опредѣляющими его ассоціаціями. Оно состоитъ въ томъ, что „наблюдаемый" психическій процессъ становится опредѣленнѣе и яснѣе, при чемъ неблагопріятныя для него представленія исчезаютъ, а благопріятныя выступаютъ на первый планъ; затѣмъ съ этимъ процессомъ ассоціируется представленіе объ условіяхъ его возникновенія и мысль о томъ, что наблюденіе его имѣетъ научную важность; наконецъ, со всѣми этими явленіями соединяется сопровождающее ихъ ощущеніе иннерваціи и чувство дѣятельности. Очевидно, понимаемое въ такомъ смыслѣ, непосредственное самонаблюденіе не заключаетъ въ себѣ никакой принципіальной невозможности и есть столько же естественный, сколько понятный актъ. То, что даетъ самонаблюденію научный характеръ и дѣлаетъ его психологическимъ методомъ, суть ассоціируемыя съ наблюдаемымъ психическимъ процессомъ представленія о его законахъ и условіяхъ его возникновенія. Отсюда, какъ психологическій методъ, оно доступно только тому, кто располагаетъ достаточнымъ запасомъ такихъ ассоціацій, т.-е. имѣетъ серьезныя психологическія и физіологическія познанія. «Особенно такіе психическіе феномены, элементы которыхъ имѣютъ свое физіологическое условіе не въ раздраженіи высшихъ органовъ чувствъ, а въ раздраженіи внутреннихъ органовъ тѣла: мускуловъ, сочлененій, сухожилій, кровеносныхъ сосудовъ, кишекъ и т. д.,—куда относятся всѣ такъ называемыя чувствованія, позывы, аффекты, внутреннія дѣятельности, акты воли,—могутъ быть внутренно наблюдаемы только тѣмъ, кто обладаетъ основательными анатомическо-физіологическими знаніями». Конечно, самонаблюденіе, какъ и всякій методъ, имѣетъ свои техническія трудности и свои недостатки; но его трудности большею частью относительны и могутъ быть устранены путемъ упражненія, а его недостатки показываютъ только то, что самонаблюденіе не можетъ быть единственнымъ методомъ психологіи. Случаи, когда самонаблюденіе бываетъ совершенно невозможно, исключительны, да и въ этихъ случаяхъ психическій процессъ можетъ быть наблюдаемъ въ воспоминаніи, которое само по себѣ есть не что иное, какъ слабое повтореніе этого процесса. Ошибки и недостатки индивидуальнаго самонаблюденія могутъ быть исправляемы и восполняемы результатами самонаблюденія другихъ лю-

дей. Здѣсь психологу окажутъ большую услугу различные правдивые мемуары и автобіографіи, особенно же психологическостатистическія изслѣдованія, имѣющія задачей собрать показанія объ извѣстномъ психическомъ феноменѣ у возможно большаго числа лицъ различныхъ возрастовъ, классовъ, профессій и націй. Для объединенія этихъ статистическихъ изслѣдованій нужно создать общій международный центръ, и авторъ привѣтствуетъ какъ первый опытъ въ этомъ родѣ учрежденную на Парижскомъ психологическомъ конгрессѣ 1889 г. международную комиссію для статистическаго изслѣдованія галлюцинацій.

Взглядъ Мюнстерберга на самонаблюденіе, конечно, очень своеобразенъ, но едва-ли вполнѣ справедливъ. Не допуская безличнаго сознанія, мы согласны съ тѣмъ, что традиціонная схема субъекта и объекта, имѣющая скорѣе логическій, чѣмъ психологическій смыслъ, дѣйствительно устарѣла, и что самонаблюденіе, подобно всякому познавательному акту, есть ассоціативный процессъ. Но вѣдь легко видѣть, что вопросъ о возможности непосредственнаго самонаблюденія этимъ нисколько не рѣшается. Спрашивается, могутъ-ли опредѣляющія ассоціаціи соединяться съ наблюдаемымъ психическимъ явленіемъ такимъ образомъ, чтобы оно не подвергалось измѣненію и не утрачивало своего непосредственнаго характера? Очевидно, это возможно только въ томъ случаѣ, если эти ассоціаціи крайне немногочисленны, очень элементарны и смутны. Чѣмъ онѣ сложнѣе и яснѣе, тѣмъ болѣе онѣ удаляютъ наблюдаемый процессъ изъ сферы вниманія и замѣняютъ непосредственно переживаемое душевное состояніе простымъ представленіемъ или воспоминаніемъ о немъ, т.-е. превращаютъ непосредственное самонаблюденіе въ посредственное. Можно установить какъ безспорный законъ то положеніе, что возможность непосредственнаго самонаблюденія обратно пропорціональна сложности и ясности соединяемыхъ съ наблюдаемымъ явленіемъ ассоціацій. Говоря другими словами, непосредственное самонаблюденіе возможно только какъ самая элементарная квалификація психическаго явленія или какъ его простое воспріятіе. Поэтому, намъ кажется, совершенно правъ Брентано, который различаетъ самовоспріятіе, имѣющее характеръ непосредственности, и самонаблюденіе, лишенное этого качества *). Отсюда

*) Psychologie vom empirischen Standpunkte I Bd. (Leipzig. 1874), стр. 38 и слѣд.

уже само собою понятно, что не можетъ быть рѣчи о непосредственномъ самонаблюденіи тамъ, гдѣ съ изучаемымъ психическимъ явленіемъ ассоціируются сложныя рефлексіи о его законахъ и о психологическихъ или физіологическихъ условіяхъ его возникновенія. Мысль, что непосредственное самонаблюденіе невозможно въ смыслѣ психологическаго метода безъ «основательныхъ анатомическо-физіологическихъ знаній», есть парадоксъ, показывающій, что Мюнстербергъ смѣшиваетъ самонаблюденіе съ психологическимъ объясненіемъ; если для послѣдняго эти знанія дѣйствительно необходимы, то въ первомъ они не могутъ найти ни малѣйшаго примѣненія.

Посредственное психологическое наблюденіе при естественныхъ условіяхъ служитъ необходимымъ дополненіемъ самонаблюденія. Въ него входитъ изслѣдованіе проявленій нормальной душевной жизни у взрослыхъ, дѣтей и дикарей, изученіе психологическихъ аномалій и разныхъ патологическихъ уклоненій, наблюденіе психической жизни животныхъ, анатомическое и сравнительно-анатомическое изслѣдованіе органовъ чувственнаго воспріятія и движенія, изслѣдованіе фактовъ исторіи, судебной психологіи и нравственной статистики, изученіе произведеній художниковъ и поэтовъ и наблюденіе разнообразныхъ явленій культурно-соціальной жизни. Немножко странно видѣть, что авторъ ставитъ въ числѣ формъ посредственнаго психологическаго наблюденія анатомическое и сравнительно-анатомическое изслѣдованіе органовъ воспріятія и движенія, какъ будто послѣднее въ самомъ дѣлѣ есть видъ, а не простое побочное средство этого наблюденія. Онъ здѣсь забываетъ то различіе точки зрѣнія метода и точки зрѣнія задачи, на которомъ такъ настаивалъ ранѣе.

Къ области *непосредственнаго экспериментальнаго изслѣдованія* Мюнстербергъ относитъ «всѣ тѣ психологическіе эксперименты, которые производятся надъ здоровымъ взрослымъ человѣкомъ при нормальномъ состояніи сознанія съ вѣдома и согласія экспериментируемаго лица», и которые по его мнѣнію отличаются отъ непосредственнаго самонаблюденія только своими искусственными условіями. Эти эксперименты образуютъ ту психологическую дисциплину, которая обязана своимъ основаніемъ Фехнеру и Гельмгольцу, а своимъ широкимъ и свободнымъ развитіемъ Вундту. Если эта дисциплина должна носить особое названіе, то ее, въ отличіе отъ экспериментальной патопсихоло-

гіи и экспериментальной физіопсихологіи, всего лучше назвать *экспериментальною психологіей нормальныхъ душевныхъ явленій* (experimentelle Normalpsychologie). Непосредственное экспериментальное изслѣдованіе не ограничивается областью низшихъ и простѣйшихъ душевныхъ явленій, какъ думаютъ нѣкоторые: оно обнимаетъ все болѣе и болѣе широкій кругъ задачъ, и уже недалеко то время, когда всѣ вопросы психологіи будутъ ему доступны. Даже теперь можно сказать, «что принципіально въ психологіи не существуетъ ни одного вопроса, для рѣшенія котораго нельзя было бы съ пользою примѣнить методъ экспериментальной психологіи нормальныхъ душевныхъ явленій». Всѣ психическіе процессы, доступные этому методу, авторъ дѣлитъ на три группы: на *центростремительные* (psychopetale), *центробѣжные* (psychofugale) и *центральные* (psychocentrale). Къ первой группѣ принадлежатъ ощущенія и ихъ физическія и физіологическія условія. Авторъ упрекаетъ психологовъ за то, что они, усердно изучая ощущенія внѣшнихъ чувствъ, игнорируютъ «гораздо болѣе важныя» внутреннія ощущенія, мускульныя и общія. Въ этихъ ощущеніяхъ «заключаются важнѣйшіе элементы нашего духовнаго содержанія», и экспериментальное изслѣдованіе ихъ должно быть одною изъ главныхъ задачъ психологіи *). Къ этой же группѣ центро-стремительныхъ процессовъ принадлежатъ изучаемыя въ послѣднее время явленія непосредственной передачи мыслей. Отказываясь понимать эти явленія въ смыслѣ дѣйствительной телепатіи, авторъ тѣмъ не менѣе допускаетъ ихъ возможность на почвѣ естественныхъ условій. «Принципіально здѣсь надлежитъ изслѣдовать, дѣйствительно-ли ощущенія могутъ передаваться намъ еще иными путями кромѣ тѣхъ, которые намъ знакомы, могутъ-ли нервныя раздраженія быть вызываемы физическими причинами, которыя въ настоящее время ускользаютъ отъ нашего воззрѣнія,—подобно тому, наприм., какъ электричество ускользало отъ воззрѣнія нашихъ предковъ». Къ центробѣжнымъ процессамъ относятся всѣ внѣшнія выраженія душевныхъ движеній, начиная съ видимыхъ проявленій воли и чувства и кончая едва замѣтными физіологическими измѣненіями, сопровождающими спокойную дѣятельность мысли. Эти процессы, изслѣдованіе которыхъ едва начато, играютъ громадную роль въ

*) См. Beiträge, тетради 1—3, и Die Willenshandlung (Freiburg i. B. 1888).

нашей душевной жизни: будучи слѣдствіемъ психическихъ состояній, они въ свою очередь становятся источниками центростремительныхъ импульсовъ и возбуждаютъ рядъ новыхъ ощущеній; они же служатъ скрытыми звеньями непрямыхъ ассоціацій и причинами многихъ эмоцій и волевыхъ актовъ. Центральные процессы—это всѣ чисто психическія явленія, разсматриваемыя внѣ ихъ взаимодѣйствія съ центростремительными и центробѣжными процессами. Однимъ изъ главныхъ средствъ для ихъ изслѣдованія служитъ психометрія. Авторъ дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній относительно техники этого метода и настоятельно указываетъ на то, что психометрическія изслѣдованія не должны быть цѣлью сами по себѣ, а только матеріаломъ для дальнѣйшихъ психологическихъ выводовъ. Кромѣ психометрическихъ изслѣдованій сюда относятся различные квалитативные эксперименты, примѣняемые къ изслѣдованію ассоціацій, памяти, вниманія, чувства, воли, сужденій и т. д. Точные методы и техника этихъ экспериментовъ еще не выработаны, и ихъ разработка принадлежитъ будущему.

Оцѣнивая результаты экспериментальныхъ изслѣдованій этого типа, Мюнстербергъ дѣлаетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній, которыя тѣмъ интереснѣе, что принадлежатъ одному изъ выдающихся представителей экспериментальной психологіи. Онъ упрекаетъ современныхъ психологовъ за то, что они въ своихъ работахъ забываютъ принципіальные вопросы, сосредоточивая свое вниманіе на объектахъ, не имѣющихъ научнаго значенія, и слишкомъ злоупотребляютъ своимъ пристрастіемъ къ цифрамъ и математическимъ вычисленіямъ. «Психологія,—говоритъ онъ, —слишкомъ легко забываетъ, что всѣ эти вычисленія, получаемыя въ результатѣ эксперимента, всегда суть только средство для психологическаго анализа и объясненія, а не конечная цѣль. Она нагромождаетъ числа на числа и не спрашиваетъ, имѣютъ-ли добытые такимъ образомъ результаты вообще теоретическую цѣнность; она ищетъ отвѣта, прежде чѣмъ ясно и опредѣленно развитъ вопросъ, между тѣмъ какъ цѣнность экспериментальныхъ отвѣтовъ всегда именно и зависитъ отъ точности постановки вопроса. Я напомню о томъ, какъ одинъ изслѣдователь за другимъ производили тысячи опытовъ относительно субъективной оцѣнки малыхъ временныхъ интерваловъ, и ни одинъ изъ нихъ ниразу не задалъ вопроса, что собственно нужно было измѣрять

при этихъ опытахъ, что тутъ психологически происходило, какіе психологическіе феномены были взяты масштабомъ временнаго интервала. Такимъ образомъ каждый мѣрилъ своею произвольною мѣркой, каждый нагромоздилъ гору чиселъ, каждый показалъ, что его предшественникъ былъ не правъ, но ни Эстель, ни Мэнеръ, ни Глассъ не подвинули этимъ ни на шагъ проблему чувства времени». Такіе пріемы изслѣдованія авторъ считаетъ своего рода схоластикой и даже хуже того. «Схоластики по крайней мѣрѣ примѣняли къ рѣшенію своихъ безплодныхъ проблемъ остроуміе; а для того, чтобы продуцировать массы чиселъ изъ безплодныхъ экспериментовъ, нужно только до извѣстной степени притерпѣться къ припадкамъ скуки». Все это естественно отражается и въ формѣ изложенія. «Ужасающая масса цифръ и самые скудные результаты принципіальнаго характера,—вотъ впечатлѣніе, которое возбуждаютъ многочисленныя экспериментальныя работы и которое, по правдѣ, немало виновато въ томъ, что философы такъ часто относятся къ числамъ со страхомъ, а къ результатамъ съ высокомѣрною улыбкой». Авторъ совѣтуетъ психологамъ въ своихъ изслѣдованіяхъ набирать поменьше чиселъ ради нихъ самихъ и давать проблемамъ такую постановку, чтобы ихъ рѣшенія имѣли принципіальное значеніе, а въ своихъ печатныхъ работахъ по возможности устранять сырой матеріалъ цифръ и публиковать только результаты и методы изслѣдованія.

Этотъ приговоръ очень суровъ и рѣзокъ, но въ немъ много правды, и съ нимъ согласится всякій, кто безпристрастно оцѣнитъ большинство экспериментальныхъ работъ школы Вундта. Стоитъ внимательно посмотрѣть лейпцигскія Philosophische Studien, чтобы убѣдиться, какъ иногда безплодны и безполезны для сущности дѣла эти длинныя таблицы цифръ и эти красивыя вычисленія, какъ мало соотвѣтствуютъ они скуднымъ идеямъ и тощимъ результатамъ изслѣдованій и какъ часто напоминаютъ они простую математическую забаву. Если математика есть великое средство научныхъ открытій, то въ ея современныхъ примѣненіяхъ къ психологіи мы часто убѣждаемся только въ томъ, что отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ. Въ этомъ случаѣ работы самого Мюнстерберга служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что можно быть совершено научнымъ изслѣдователемъ и не наполнять страницы своихъ сочиненій безконечными таблицами, формулами и уравненіями.

Къ области *посредственнаго экспериментальнаго изслѣдованія* принадлежатъ эксперименты надъ дѣтьми, надъ психическими больными (насколько здѣсь возможно примѣненіе экспериментальнаго метода), надъ истеричными, надъ различными психологическими аномаліями, надъ животными, особенно же эксперименты надъ гипнотизированными. Гипнотическое состояніе, по мнѣнію Мюнстерберга, отличается отъ нормальнаго только необыкновенно сильною зависимостью психоцентральныхъ процессовъ субъекта отъ внѣшнихъ вліяній. Гипнозъ—это состояніе повышенной импульсивности, повышенной способности воспринимать внушенія. Самыя внушенія авторъ, подобно многимъ психологамъ, считаетъ совершенно нормальнымъ явленіемъ, встрѣчающимся на каждомъ шагу въ обыкновенной жизни. Гипнотическіе эксперименты должны служить необходимымъ дополненіемъ непосредственнаго экспериментальнаго изслѣдованія и имѣть въ виду главнымъ образомъ три проблемы: если экспериментальная психологія нормальныхъ душевныхъ явленій преимущественно изучаетъ ощущенія, представленія и теченіе представленій, то экспериментальная психологія внушенія имѣетъ своимъ главнымъ объектомъ эмоціональныя движенія, акты воли и представленіе личности. Такимъ образомъ тамъ изслѣдуются болѣе элементарные, а здѣсь болѣе сложные психическіе феномены. Авторъ не раздѣляетъ мнѣнія объ опасностяхъ гипнотизма и указываетъ на неосновательность того недовѣрія, съ которымъ относится большинство нѣмецкихъ ученыхъ къ этому виду психологическаго эксперимента.

Вторую группу методовъ психологіи образуютъ *психофизіологическіе методы*. Психофизіологическое изслѣдованіе можетъ быть названо непосредственнымъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда лицо, подвергаемое физіологическому эксперименту, можетъ давать при этомъ вполнѣ ясныя и достовѣрныя показанія о переживаемыхъ имъ психическихъ состояніяхъ. Такъ какъ это бываетъ возможно лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, то главнымъ средствомъ этого изслѣдованія являются методы посредственнаго наблюденія. Такихъ методовъ четыре: анатомическій, сравнительно-анатомическій, патологическій и физіологическій.

Анатомическій методъ по мнѣнію автора имѣетъ для психолога научное значеніе только въ связи съ тремя остальными. Само по себѣ анатомическо-гистологическое изслѣдованіе мозга не можетъ дать намъ точныхъ выводовъ о психофизіологическомъ паралле-

лизмѣ; только тогда, когда его результаты будутъ провѣрены посредствомъ другихъ методовъ, оно можетъ уяснить намъ нѣкоторыя подробности этого параллелизма. «Всѣ указанія на эту широкую обусловленность результатовъ, заимствуемыхъ психологіей у анатоміи, кажутся недостаточно энергичными, — замѣчаетъ авторъ,—когда видишь ту поразительную увѣренность, съ какою многіе естествоиспытатели распознаютъ подъ микроскопомъ «клѣтки ощущенія», «волокна ассоціаціи» и подобное».

Сравнительно-анатомическій методъ будетъ особенно полезенъ психофизіологіи тогда, когда онъ въ еще большей степени, чѣмъ до сихъ поръ, будетъ переходить отъ макроскопическаго наблюденія къ микроскопическому и тщательно изучать различное развитіе нервныхъ элементовъ. При патологическо-анатомическихъ изслѣдованіяхъ нужно предпочитать хроническіе и рѣзко выраженные случаи и примѣнять рядъ взаимно дополняющихъ методовъ. Но самымъ важнымъ методологическимъ правиломъ здѣсь должно быть то, чтобы къ изслѣдованію не приступать съ ложными предразсудками. «Кто физіологически исходитъ изъ того, что мозговая корка распадается на рѣзко ограниченные и никогда не смѣшивающіеся районы, изъ которыхъ каждый имѣетъ опредѣленную функцію, тотъ никогда не устранитъ кажущихся противорѣчій въ результатахъ; и кто психологически предполагаетъ, что воля есть совершенно особенная, принципіально различная отъ ощущенія душевная функція, такъ что волевые акты должны быть соединены съ двигательными, нечувствительными центрами, тотъ можетъ быть удовлетворитъ діагностическимъ потребностямъ клинициста, но едва ли удовлетворитъ теоретическимъ потребностямъ психофизіологовъ».

Физіологическій методъ есть самое могущественное средство психофизіологическаго изслѣдованія, но и здѣсь существуютъ условія, отъ которыхъ зависятъ научная точность и цѣнность его результатовъ. Нужно быть одинаково осторожнымъ и въ примѣненіи техническихъ условій эксперимента, и въ выводахъ: нужно строго разграничивать скоропреходящіе симптомы отъ продолжительныхъ и постоянныхъ; нужно оцѣнивать факты не по общему впечатлѣнію, а на основаніи точныхъ данныхъ. Но прежде всего необходимо одно главное условіе. «Именно, физіологи должны придти къ тому, въ настоящее время для большинства странному, взгляду, *что и психологія есть наука*, которую точно такъ же нужно

изучать, какъ физику или физіологію, что и для психологіи одинъ здравый человѣческій смыслъ такъ же мало достаточенъ, какъ и въ другихъ положительныхъ наукахъ, и что тотъ физіологическій изслѣдователь, который полагаетъ, что ему для своего психофизіологическаго обихода можно самому смастерить свою психологію, навѣрное будетъ точно такъ же ставить факты вверхъ ногами, какъ и психологъ, воображающій, что можно самому себѣ выдумать физіологію. У психологовъ это заблужденіе становится все рѣже, а у нѣкоторыхъ физіологовъ оно, какъ извѣстно, растетъ и процвѣтаетъ».

Въ заключеніе Мюнстербергъ дѣлаетъ нѣсколько замѣчаній о психологическихъ конгрессахъ и о положеніи психологіи въ нѣмецкихъ университетахъ. Онъ видитъ въ психологическихъ конгрессахъ одно изъ могущественнѣйшихъ условій для будущаго прогресса психологіи, но по его мнѣнію необходимы не столько международные конгрессы, дѣятельность которыхъ стѣсняется многими неблагопріятными обстоятельствами, сколько національные, которые, подобно съѣздамъ естествоиспытателей, врачей и проч., должны собираться ежегодно и привлекать къ себѣ всѣ силы, имѣющія какое-нибудь отношеніе къ психологіи. Еще болѣе необходима для успѣховъ психологіи коренная реформа ея ненормальнаго положенія въ университетахъ. Несмотря на то, что психологія уже давно успѣла сдѣлаться спеціальною наукой, она до сихъ поръ считается только частью философіи и преподается профессорами философіи. По справедливому мнѣнію автора, ее нужно выдѣлить изъ этой науки наукъ и на-ряду съ философскими каѳедрами основать психологическія каѳедры. Въ связи съ этимъ нужно пожелать, чтобы каждый университетъ обладалъ своею, хотя бы и скромною, психологическою лабораторіей. Настоятельная необходимость такихъ лабораторій въ настоящее время уже очевидна; она обусловливается не только спеціальными задачами современной психологіи, но и чисто педагогическими цѣлями. Такъ какъ положеніе психологіи въ нашихъ университетахъ то же, что и въ нѣмецкихъ, то эти pia desideria имѣютъ большой интересъ и для насъ. Кстати замѣтить, что въ нашихъ духовныхъ академіяхъ предлагаемая Мюнстербергомъ реформа уже давно осуществлена: съ 1870 года въ нихъ существуютъ спеціальныя психологическія каѳедры.

П. Соколовъ.